

УДК 81'23

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-67-77

«РОМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА» В ИСТОРИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ВОЛЬНОСТЬ, БУКВАЛИЗМ, АДЕКВАТНОСТЬ?

Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с разработкой теоретической стороны перевода представителями романтизма и их современниками. Отмечается, что, несмотря на большое количество трудов, посвящённых указанному вопросу, его трактовка во многом остаётся противоречивой. Это объясняется как особенностями мировоззрения самих романтиков, так и тем, что их взгляды могли в ряде моментов пересекаться с идеями современников, к романтикам не принадлежавших. Подчёркивается необходимость соблюдения при рассмотрении поставленной проблемы принципа исторической объективности.

Ключевые слова: романтизм, перевод, оригинал, вольный перевод, буквализм, адекватность.

THE “ROMANTIC PARADIGM” IN THE HISTORY OF TRANSLATION THEORY: FREE TRANSLATION, LITERAL TRANSLATION, ADEQUACY?

I. Belyaeva, G. Khukhuni

*Moscow Region State University
10A, Radio str., 105005, Moscow, Russian Federation*

Abstract. The present paper considers some aspects of the translation theory, as approached by the representatives of Romanticism and their contemporaries. Despite the existence of a number of works on this topic, its interpretation still remains largely contradictory. This can be explained by the peculiarities of the romanticists' Weltanschauung, as well as by the fact, that their views in certain cases could be similar to the ideas of their contemporaries who did not belong to Romanticism. The authors underline the necessity to preserve the principle of historic objectivity when analyzing this problem.

Key words: Romanticism, translation, original, free translation, literal translation, adequacy.

Понятие научной парадигмы, введённое более полувека назад Т. Куном, широко используется в самых различных областях, включая и дисципли-

ны, традиционно относимые к «филологическому циклу». Относительно недавно оно стало применяться и в отечественном переводоведении, сви-

детельством чего может служить ряд работ, появившихся в последнее десятилетие (см., в частности, [5], [15] и др.).

Вместе с тем, если, скажем, когда речь идёт о лингвистике, можно говорить об относительно установившейся схеме «смены парадигм»: сравнительно-историческое языкознание – структурная лингвистика – антропоцентрический принцип (вопрос о том, насколько полно она отражает процесс развития науки о языке за два последних столетия, в задачи настоящей статьи не входит), то в переводоведении ситуация несколько иная, особенно когда объектом изучения является прошлое переводческой мысли.

В связи с этим, на наш взгляд, представляет определённый интерес период, хронологически совпадающий с формированием и становлением компаративистики (конец XVIII – первая треть XIX столетия), который традиционно рассматривается как эпоха «романтического перевода». Причём видные представители немецкого романтизма братья Август и Фридрих Шлегели сыграли достаточно заметную роль в зарождении как первой, так и второй названной области.

Таким образом, возникает вопрос о правомерности выделения в истории переводческой мысли особой «романтической парадигмы», тем более что роль и значение представителей романтизма в её развитии подчёркивались многими исследователями¹. Сошлемся на слова С.С. Аверинцева,

¹ Отметим, что в специальной литературе эпоха романтизма нередко характеризуется именно как период «смены парадигмы» (Paradigmenwechsel) в переводе (см., в частности, [21, S. 159])

отмечавшего, что «романтизм – великая, может быть величайшая, эпоха в истории художественного перевода ... Явление романтического художественного перевода было подготовлено предромантизмом XVIII века, впервые открывшим плюрализм культурных традиций ... Оно было подготовлено универсализмом веймарской классики, породившим раздумья В. фон Гумбольдта о переводе как искусстве сохранить «чужое», убрав помеху «чуждого», и на своём пределе вылившемся в чеканный термин-императив, который первый раз появляется у позднего Гёте – «мировая литература» (Weltliteratur)» [1, с. 561, 562]. Ранее аналогичную, по существу, мысль высказал и основоположник лингвистической теории перевода в нашей стране А.В. Фёдоров: «Хотя новое понимание целей и принципов перевода окончательно определилось в эпоху романтизма и нашло своих выразителей в среде деятелей романтической школы ... оно вытекало из общих прогрессивных тенденций всего исторического периода в целом, связанных с национально-освободительным движением. Новое понимание задач перевода, как показывают пример Шиллера и Гёте, отнюдь не является исключительно достоянием романтиков» [14, с. 29, 30].

Как можно заметить, процитированные утверждения показывают и некоторую условность используемого нами термина, учитывая, что отношение В. фон Гумбольдта и особенно И.В. Гёте к романтизму было, мягко говоря, достаточно неоднозначным. Однако, на наш взгляд, помимо отмеченной (хотя, возможно, и в несколько прямолинейной форме)

«национально-освободительной составляющей» рассматриваемой парадигмы (последняя, безусловно верная по отношению к немецким романтикам, вряд ли может распространяться на романтиков французских (Рене Шатобриан, Альфред да Виньи), которые наряду с А. Шлегелем и Л. Тиком также упоминаются автором среди представителей «общих прогрессивных тенденций» рассматриваемой эпохи), выделяется ещё один момент, позволяющий увязать лингвистическую и переводческую стороны деятельности как упомянутых выше представителей романтизма, занимавшихся языковыми вопросами, так и В. фон Гумбольдта. В определённом отношении его можно считать отличительной чертой того, что мы назвали «романтической парадигмой» в интересующей нас области. Речь идёт об *историзме*. Причём и в том и в другом случае есть основания говорить об определённой реакции на тот принцип, который господствовал в предшествующий период, – *рационализм*, определявший и универсальные грамматики, построенные на логической основе, и те установки, которые доминировали в классицистическом переводе. Первый момент в наиболее эксплицитной форме, пожалуй, выразил один из крупнейших представителей немецкого романтизма Я. Гримм: «В грамматике я чужд общелогических понятий. Они, как кажется, приносят с собой строгость и чёткость в определениях, но они мешают наблюдению, которое я считаю душой языкового исследования» [8, с. 56]¹. Вто-

рой нашёл отражение в относящейся уже к последней трети прошлого века работе Г.Р. Гачечиладзе, как известно, весьма сдержанно относившегося к лингвистической теории перевода: «Поверхностно-историческому принципу классицизма романтики в переводе противопоставили принцип изложения конкретно-исторической правды, отвлечённой типизации – выражение национальных особенностей...» [6, с. 14].

Однако нас сейчас интересует несколько другой аспект рассматриваемой проблемы, связанный с переводческим методом, определявшим особенности изучаемой парадигмы. И в данном случае можно опять вспомнить процитированную выше статью С.С. Аверинцева, в которой обращено внимание (правда, по несколько иному поводу) на «парадокс романтизма как такового» [1, с. 560]. И этот парадокс весьма ярко проявляется у многих исследователей, касавшихся этого вопроса.

Так, у А.В. Фёдорова при рассмотрении деятельности романтиков говорится следующее: «Специфическое ... в переводах, принадлежащих представителям этой школы, приходится констатировать, в сущности, тогда, когда подлинник становится в них материалом для вольной вариации на некоторые его темы и подвергается переосмыслению, т.е., когда пропорции характерных для него черт нарушаются и меняется общий тон и колорит. ... Общей чертой являлось стремление передать и показать характерные особенности подлинника ... подчеркнуть

¹ В оригинале: «Allgemein-logischen begriffen bin ich in der grammatik feind: sie fuhren scheinbare strenge und geschlossenheit der bestim-

mungen mit sich, hemmen aber die beobachtung, welche ich als die seele der sprachforschung betrachte» [1, S. VI] (орфография автора).

всё своеобразное или необычное, что есть в переводимом произведении» [14, с. 30]. При всём уважении к тому огромному вкладу, который А.В. Федоров внёс в развитие отечественного, да и мирового переводоведения, думается всё же, что вторая часть процитированного фрагмента несколько расходится с первой...

У полемизировавшего во многих моментах с А.В. Фёдоровым Г.Р. Гачечиладзе, в свою очередь, утверждается, что упомянутое выше стремление выражать национальные особенности, «естественно, должно было вызвать точный перевод иностранного текста с соблюдением специфических сторон» [6, с. 14], вследствие чего «верные своему романтическому бегству от действительности в иноязычный поэтический мир ... немецкие романтики ... создали объективно реалистический перевод» [7, с. 121]. Напомним, что термин «реалистический» был в своё время введён И.А. Кашкиным для замены понятия «адекватного» перевода (хотя грузинский учёный и внес в него некоторые коррективы)¹.

Итак, следуя мнениям двух крупнейших отечественных специалистов XX в. в области теории художествен-

ного перевода можно предположить, что романтическому переводу одновременно свойственны и адекватное («реалистическое») воспроизведение оригинала, и его достаточно серьёзное преобразование. Это явное противоречие не осталось без внимания исследователей. С одной стороны, его стремились разрешить указанием на наличие в романтическом переводе разных тенденций, о чем писал Ю.Д. Левин: «В романтическом переводе существует два направления. Одно стремится воссоздать переводимое произведение во всей полноте, во всём его индивидуальном и национальном своеобразии и неповторимости ... Романтическим является также перевод, создатель которого стремится к самовыражению, к воссозданию идеала, субъективно им понятого, открывающегося ему в момент творческого вдохновения» [10, с. 13]. С другой стороны, сам выбор того или иного пути увязывался с тем, «характеризуется ли оригинал многозначностью художественного образа ... так чтобы переводчик-романтик мог бы распознать в ней свою собственную раздвоенность» [12, с. 46]. В связи с этим упоминается и известное рассуждение из «Фрагментов» Новалиса о трёх типах перевода: мифическом, грамматическом и преобразующем (*Eine Übersetzung ist entweder grammatisch, oder verändernd, oder mythisch* [19]) и указывается, что теория и практика романтического перевода могут быть поняты только с учётом центрального понятия романтической эстетики – идеала, открывающегося в интуитивном прозрении.

Не останавливаясь сейчас на этом вопросе, хотим только указать на один момент. Ни при трактовке романтиче-

¹ Отметим, что слова Г.Р. Гачечиладзе (независимо от того, как относиться к самому понятию «реалистического перевода») при их буквальном понимании могут создать впечатление некоторой противоречивости – реализм, который традиционно понимался как метод образного отражения действительности в соответствии с объективной достоверностью, достигается, согласно приведённой цитате, путём бегства от действительности. Однако в системе переводческой концепции грузинского учёного в данном случае нет никакого противоречия, поскольку, с его точки зрения, роль действительности для переводчика играет сам исходный текст.

ского перевода как «объективно реалистического» (адекватного / полноценного и т. п.), ни при понимании его как «вольной вариации на некоторые темы» подлинника, ни, тем более, при «мифическом переводе», передающем чистую и полную сущность индивидуального произведения искусства, который Новалис считал «высшей формой», оговаривая, что совершенного образца таких переводов пока ещё не существует (*Mythische Übersetzungen sind Übersetzungen im höchsten Stil. Sie stellen den reinen, vollendeten Charakter des individuellen Kunstwerks dar. Sie geben uns nicht das wirkliche Kunstwerk, sondern das Ideal desselben. Noch existiert wie ich glaube, kein ganzes Muster derselben* [19]), – о буквальной / дословной передаче оригинала речь не идёт. Даже по отношению к «обычным» грамматическим переводам (которые он явно рассматривает как выходящие за пределы «высокого искусства») Новалис ограничивается замечанием, что они требуют больших познаний, но только «дискурсивных способностей»¹: «*Grammatische Übersetzungen sind die Übersetzungen im gewöhnlichen Sinn. Sie erfordern sehr viel Gelehrsamkeit, aber nur diskursive Fähigkeiten*» [19], но отнюдь не обязательно сводятся к механическому калькированию исходного текста.

И тем не менее в спорах о «буквализме», вновь оживившихся в последнее время (см., в частности [3]), противники последнего поминают – причём весьма критически – и представителей

¹ Целесообразно предположить, что слово «дискурсивный» в данном случае следует толковать в его философском значении – как рассудочно-логический, противопоставленный чувственно-интуитивному – а, как говорилось выше, именно на этом последнем строилось романтическое понимание идеала.

романтического направления. Так, в статье Д.М. Бузаджи читаем: «Одна из центральных фигур, на которые неизменно ссылаются защитники буквализма, – немецкий теолог и философ, видный деятель романтизма Фридрих Шлейермахер» [4, с. 42]. И, излагая известную дилемму последнего: «Либо переводчик оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое читателя, и тогда идти навстречу приходится писателю», – автор заключает: «В категорическом отрицании третьего пути (какого-либо компромисса между «передвижениями») проявляется гумбольдтианское представление о языке, образующем вокруг своих носителей особую систему мировидения, круг, выйти за который можно, только вступив в другой круг» [4, с. 42]. Несколько ниже Шлейермахер именуется «гумбольдтианцем», причём опять-таки в весьма ироничном контексте: «даже гумбольдтианцу понятна неуместность перевода буквалистического для большинства сфер жизни» [4, с. 42].

Касаясь приведённого фрагмента, прежде всего, хотелось бы обратить внимание на следующее. Одна из первых работ В. фон Гумбольдта, в которой чётко излагалось критикуемое Д.М. Бузаджи положение – «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» («Über das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung»), с которой, собственно, и начинают историю «гумбольдтианства» как такового, была прочитана в Берлинской академии наук в 1820 г.² Труд Ф.Д. Шлейер-

² Объективности ради отметим, что тезис: «Разные языки – это отнюдь не различные обо-

махера «О различных методах перевода» (Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens) был оглашён там же в 1813 г. В нём можно найти и положение об определяющем влиянии языка на мышление и познание человека («Jeder Mensch ist auf der einen Seite in der Gewalt der Sprache, die er redet; er und sein ganzes Denken ist ein Erzeugniß derselben. Er kann nichts mit völliger Bestimmtheit denken, was außerhalb der Grenzen derselben läge; die Gestalt seiner Begriffe, die Art und die Grenzen ihrer Verknüpfbarkeit ist ihm vorgezeichnet durch die Sprache, in der er geboren und erzogen ist» [20, S. 43]), считающееся квинтэссенцией воззрений Гумбольдта. С другой стороны, собственно переводческие взгляды Гумбольдта, как известно, наиболее полно были представлены в предисловии к его версии трагедии Эсхила «Агамемнон», которая увидела свет в 1816 г., т. е. опять-таки *после* доклада Шлейермахера¹. Так что, если исходить из принятого в науке принципа определения приоритета, придётся признать, что скорее надо В. фон Гумбольдта считать «шлейермахерианцем», а не наоборот. Думается,

значения одной и той же вещи, а различные видения её» [9, с. 349] был высказан В. фон Гумбольдтом ещё в 1801/2 г. в труде, посвящённом баскскому языку. Однако, не говоря уже о том, что в данном случае речь идёт именно о *тезисе*, а не о концепции в собственном смысле слова, нельзя не учитывать, что «труд, написанный Гумбольдтом в 1801 г., остался неопубликованным» [13, с. 314] и вряд ли мог породить «гумбольдтианство» ко времени выступления Ф.Д. Шлейермахера, тем более учитывая, что лингвистические изыскания в этот период по объективным причинам (занятость государственной деятельностью) не могли быть основной сферой интересов Гумбольдта.

¹ Подробнее точка зрения авторов на переводческую концепцию Гумбольдта представлена в [2].

абсурдность такого утверждения доказательств не требует. Очевидно всё-таки, что здесь речь идёт именно об общей тенденции той эпохи, в которую жили и творили оба мыслителя.

Определённые возражения вызывает изложенная выше позиция и по существу – в первую очередь потому что, на наш взгляд, её автор в полемике с «буквалистской ересью» подошёл к рассмотрению вопроса о концепциях двух немецких мыслителей не столько как историк науки, сколько как полемист, что и привело к некоторому отходу от принципа научной объективности. Между тем ещё в 30-е гг. прошлого века А.М. Финкель (труды которого в области теории перевода, к сожалению, в наши дни вспоминают относительно редко) при рассмотрении концепции Гумбольдта подчёркивал, что она формировалась «в период становления романтической теории перевода, когда борьба с переводческой практикой классицизма была ещё живой и актуальной», и что, следовательно, при её анализе необходимо учитывать, какова была «та историческая обстановка, в которой возникли указанные взгляды» [16, с. 70]. Думается, что это последнее замечание сохраняет свою силу и по отношению к труду Ф.Д. Шлейермахера.

Далее, возвращаясь к тезису последнего о «двух несовместимых путях при переводе», Д.М. Бузаджи задаётся риторическим вопросом: «почему не предположить, что Шлейермахер промахнулся в самом главном? На наш взгляд, гораздо логичнее считать, что “оставить в покое писателя” – это читателю выучить иностранный язык и наслаждаться подлинником в оригинале (ощущение чужеродности будет

гарантировано), а “оставить в покое читателя” – это дать ему функционально-коммуникативный перевод, сохраняющий особенности авторского стиля, но без надругательств над языком» [4, с. 46].

Что касается якобы содержащихся у Шлейермахера (очевидно, по мысли автора, и у Гумбольдта) призывов «надругательства над языком», то, думается, что такое понимание их воззрений, мягко говоря, представляет собой некоторое преувеличение. Шлейермахер, признавая, что при «оставлении в покое писателя» действительно приходится создавать своего рода особый язык, обнаруживающий некоторое сходство с иностранным, вместе с тем подчёркивал, что при этом необходимо сохранять чувство меры, не нанося ущерба ни себе, ни языку, причём считал реализацию этой задачи самой большой трудностью, которую приходится преодолевать переводчику, избравшему этот путь: «so muß man zugeben, ein unerläßliches Erforderniß dieser Methode des Uebersetzens ist eine Haltung der Sprache, die nicht nur nicht alltäglich ist, sondern die auch ahnden läßt, daß sie nicht ganz frei gewachsen, vielmehr zu einer fremden Aehnlichkeit hinübergebogen sei; und man muß gestehen, dieses mit Kunst und Maaß zu thun, ohne eigenen Nachtheil und ohne Nachtheil der Sprache, dies ist vielleicht die größte Schwierigkeit die unser Uebersetzer zu überwinden hat» [20, S. 55]. Гумбольдт (ср. приведённые выше слова С.С. Аверинцева) чётко разграничивал «чужое» и «чуждое», указывая, что задача переводчика – воссоздать первое, но не допускать того, чтобы оно принимало самодовлеющий характер и «затмевало» чуждое:

«... die Uebersetzung eine gewisse Farbe der Fremdheit an sich trägt, aber die Gränze, wo dies ein nicht abzuläugnender Fehler wird, ist hier sehr leicht zu ziehen. Solange nicht die Fremdheit, sondern das Fremde gefühlt wird, hat die Uebersetzung ihre höchsten Zwecke erreicht; wo aber die Fremdheit an sich erscheint, und vielleicht gar das Fremde verdunkelt, da verräth der Uebersetzer, dass er seinem Original nicht gewachsen ist» [18].

Наконец, представляется не лишённым интереса ещё одно обстоятельство. Как мы видели выше, в статье Д.М. Бузаджи «ошибочный буквализм» теоретика романтического перевода Ф.Д. Шлейермахера безоговорочно противопоставляется «правильному» функционально-коммуникативному переводу. Разумеется, ни Шлейермахер, ни Гумбольдт по понятной причине не подозревали о существовании последнего, однако в специальной литературе последних лет высказывалось мнение, что между романтическим воззрением на перевод и функционализмом прослеживаются довольно тесные параллели, поскольку обе концепции характеризуются отходом от понятия эквивалентности к конструктивным и творческим моментам перевода: «Funktionalismus und Frühromantik in wichtigen Grundannahmen übereinstimmen. Dies zeigt sich an der Abkehr vom Grundsatzdenken bzw. an der Abkehr vom Äquivalenzbegriff ebenso wie am konstruktiven bzw. kreativen Moment des Übersetzens» [21, S. 169]. Насколько такая позиция оправданна – в предмет предлагаемого сообщения не входит (термин «эквивалентность перевода», вроде бы, романтиками не применялся), однако само её на-

личие показывает, что картина в данном случае является более сложной, чем это представляется на первый взгляд.

И в заключение позволим себе ещё одну цитату, некогда входившую в своего рода «обязательный багаж» студентов советской эпохи: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно

с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками» [11, с. 178]. И хотя отношение к автору приведённого суждения за последние четверть с лишним века в нашей стране кардинальным образом изменилось, думается, что само по себе оно вполне подходит к вопросу, которому посвящена предлагаемая статья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Размышления над переводами Жуковского // Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского. Т. 2. М.: Радуга, 1985. С. 553–574.
2. Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т. Антиномия переводимости / непереводимости в истории переводческой мысли (к 250-летию со дня рождения Вильгельма фон Гумбольдта) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 6–14.
3. Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т. Переводческий буквализм: страницы истории. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 108–117.
4. Бузаджи Д.М. Что такое буквализм? // Мосты. 2014. № 2 (42). С. 37–49.
5. Гарбовский Н.К. Парадигмы науки о переводе // Проблемы современного переводоведения: сборник статей в честь шестидесятилетия профессора В.И. Шадрина. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 39–56.
6. Гачечиладзе Г.Р. Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1970. 149 с.
7. Гачечиладзе Г.Р. Теория художественного перевода и подготовка молодых переводчиков // Художественный перевод. Взаимодействие и взаимообогащение литератур. Ереван: Издание Ереванского университета, 1973. С. 106–124.
8. Гримм Я. Из предисловия к немецкой грамматике // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 56, 57.
9. Гумбольдт В. фон. Об изучении языков или план систематической энциклопедии всех языков // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 346–349.
10. Левин Ю. Русские переводы Шекспира // Мастерство перевода 1966. М.: Советский писатель, 1968. С. 5–25.
11. Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.: Политиздат, 1967. С. 119–262.
12. Микушевич В.М. Поэтический мотив и контекст // Вопросы теории художественного перевода. М.: Художественная литература, 1971. С. 6–80.
13. Рамишвили Г.В. От сравнительной антропологии к сравнительной лингвистике // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 309–317.
14. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
15. Фелелов А.Ф. Современное российское переводоведение: в поисках новой суверенной парадигмы // Вестник Новосибирского государственного универ-

- ситета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13. № 1. С. 48–72.
16. Финкель А.М. О некоторых вопросах теории перевода // Научные записки Харьковского государственного педагогического института иностранных языков. 1939. Т. 1. С. 59–82.
 17. Grimm J. Deutsche Grammatik. Erster Theil. Zweite Ausgabe. Göttingen: In der Dieterichschen Buchhandlung, 1822. XX+1084 S.
 18. Humboldt W. von. Einleitung zu «Agamemnon» [Электронный ресурс]. URL: <http://users.unimi.it/dililefi/costazza/corsi/2011-2012/Humboldt.pdf>. (дата обращения: 20.04.2017).
 19. Novalis. Fragmente. 68. Übersetzungen [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textlog.de/23658.html> (дата обращения: 20.04.2017).
 20. Schleiermacher F. Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens // Das Problem des Übersetzens / hg. von Hans Joachim Störig, Stuttgart Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 1963. S. 38–69.
 21. Siever H. Das übersetzerische Denken von Frühromantik und Funktionalismus [Электронный ресурс] // Trans-kom 2012, no. 5(1), 157–177: [сайт]. URL: http://www.trans-kom.eu/bd05nr01/trans-kom_05_01_07_Siever_Fruehromantik.20120614.pdf. (дата обращения 19.04.2017).

REFERENCES

1. Averintsev S.S. Reflections on translations of Zhukovsky. In: *Zarubezhnaya poeziya v perevodakh V.A. Zhukovskogo. T. 2* [Foreign poetry translated by V. A. Zhukovsky. Vol. 2]. Moscow, Raduga Publ., 1985. pp. 553–574.
2. Belyaeva I.F., Khukhuni G.T. Antinomy of translatability / untranslatability in the history of translation theory (the 250th anniversary of the birth of Wilhelm von Humboldt). In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics]. 2017, no. 1, pp. 6–14.
3. Belyaeva I.F., Khukhuni G.T. Literal translation: through the history. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics]. 2016, no. 1, pp. 108–117.
4. Buzadzhi D.M. What is literalism? In: *Mosty* [Bridges]. 2014, no. 2 (42), pp. 37–49.
5. Garbovskii N.K. Science of translation paradigms. In: *Problemy sovremennogo perevodovedeniya: sbornik statei v chest' shestidesyatiletia professora V.I. Shadrina* [Problems of modern translation studies: collected papers in honor of the sixtieth birthday of Professor V. I. Shadrina]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2011, pp. 39–56.
6. Gachechiladze G.R. *Vvedenie v teoriyu khudozhestvennogo perevoda* [Introduction to the theory of literary translation]. Tbilisi, Tbilisskogo universiteta Publ., 1970. 149 p.
7. Gachechiladze G.R. The theory of literary translation and the training of young translators. In: *Khudozhestvennyi perevod. Vzaimodeistvie i vzaimoobogashchenie literatur* [A literary translation. Interaction and mutual enrichment of literatures]. Yerevan, Erevanskogo universiteta Publ., 1973, pp. 106–124.
8. Grimm J. From the Preface to the *German Grammar*. In: *Zvegintsev V.A. Istoriya yazykoznaniiya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. CH. 1* [Zvegintsev V.A. History of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts. Part 1]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964, pp. 56–57.
9. Humboldt, W. von. On research of the languages, or a systematic encyclopedia in all languages. In: *Humboldt, W. von. Yazyk i filosofiya kul'tury* [Humboldt, W. von. The language and philosophy of culture]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 346–349.

10. Levin YU. Russian translations of Shakespeare. In: *Masterstvo perevoda 1966*. [The skill of translation 1966.]. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1968, pp. 5–25.
11. Lenin V.I. On the characterization of economic romanticism. In: *Polnoe sobranie sochinenii. T. 2* [Complete works. Vol. 2]. Moscow, Politizdat Publ., 1967. pp. 119–262.
12. Mikushevich V.M. Poetic motive and context. In: *Voprosy teorii khudozhestvennogo perevoda* [The theory of literary translation]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971, pp. 6–80.
13. Ramishvili G.V. From comparative anthropology to comparative linguistics. In: *Humboldt, W. von. Yazyk i filosofiya kul'tury* [Humboldt, W. von. The language and philosophy of culture]. Moscow, Progress Publ., 1985. pp. 309–317.
14. Fedorov A.V. *Osnovy obshchei teorii perevoda* [Fundamentals of general theory of translation]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1983. 303 p.
15. Fefelov A.F. Modern Russian translation: in search of new sovereign paradigm. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and intercultural communication]. 2015, no. 1, vol. 13, pp. 48–72.
16. Finkel' A.M. Some questions of the theory of translation. In: *Nauchnye zapiski KHar'kovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov* [Scientific notes of the Kharkov State Pedagogical Institute of foreign languages]. 1939, no. 1, pp. 59–82.
17. Grimm J. *Deutsche Grammatik. Erster Theil. Zweite Ausgabe*. Göttingen: In der Dieterichschen Buchhandlung, 1822. XX+1084 S.
18. Humboldt W. von. Einleitung zu «Agamemnon» [E-source]. Available at: <http://users.unimi.it/dililefi/costazza/corsi/2011-2012/Humboldt.pdf>. (accessed 20.04.2017).
19. Novalis. *Fragmente. 68. Übersetzungen*. [E-source]. Available at: <http://www.textlog.de/23658.html> (accessed 20.04.2017).
20. Schleiermacher F. Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens. // *Das Problem des Übersetzens*, Hg. von Hans Joachim Störig, Stuttgart: 17. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 1963. S. 38–69. [E-source]. Available at: <http://users.unimi.it/dililefi/costazza/programmi/2006-07/Schleiermacher.pdf>. (accessed 21.04.2017).
21. Siever H. Das übersetzerische Denken von Frühromantik und Funktionalismus // *Transkom 2012*, no. 5(1), s. 157–177. [E-source]. Available at: http://www.trans-kom.eu/bd05nr01/trans-kom_05_01_07_Siever_Fruehromantik.20120614.pdf. Дата обращения 19.04.2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляева Ирина Фёдоровна – кандидат филологических наук, доцент, декан лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: belyaevairin@mail.ru

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: khukhuni@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina F. Belyaeva – PhD in Philological sciences, docent, dean of Linguistic faculty of Institute of Linguistics and Intercultural Communication at Moscow Region State University;
e-mail: belyaevairin@mail.ru

Georgy T. Khukhuni – Doctor in Philological sciences, professor, head of Language Theory and Anglistics department of Institute of Linguistics and Intercultural Communication at Moscow Region State University; e-mail: khukhuni@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т. «Романтическая парадигма» в истории переводческой мысли: вольность, буквализм, адекватность? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. С. 67–77.

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-67-77

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

I. Belyaeva, G. Khukhuni. The “romantic paradigm” in the history of translation theory: free translation, literal translation, adequacy? In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2017, no. 4, pp. 67–77.

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-67-77